

Церковное новолетие

Церковное Новолетие в память константинопольской традиции называют «началом индикта». Император Константин Великий повелел оканчивать воинскую службу по

истечении 15 лет, после чего обеспечивать отставникам государственное пособие за счет индикта (по-латински подати, налога), который собирали 1 сентября, по окончании ►

уборки урожая. На Руси индиктом называли и каждый новый год пятнадцатилетнего промежутка, и само пятнадцатилетие.

Кроме того, через 532 года круги Солнца и Луны снова начинаются вместе, то есть повторяется природная ситуация дня подвига Иисуса Христа, когда полнолуние бывает в пятницу. Временной интервал в 532 года называют индиктионом. 1 сентября 2014 года (14 сентября по новому стилю) наступает 7523 год от сотворения мира.

С 1492 года на Руси отмечали Новолетие как церковно-государственный праздник. Смыслом богослужения в Новолетие было воспоминание проповеди Спасителя в Назаретской синагоге, когда Иисус Христос сказал, что Он пришел «исцелять сокрушенных сердцем... проповедовать лето Господне благоприятное».

друг друга, желая каждому долгой жизни».

На Руси по принятии христианства гражданский год вплоть до XV в. начинался с марта. С 1 марта вели начало года все древние русские летописцы, включая преподобного Нестора.

Прекращение совершения чина летоководства связано с изданием Петром I указа о переносе начала гражданского нового года на 1 января. В последний раз чин был совершен 1 сентября 1699 г. в присутствии Петра, который, сидя на установленном на кремлевской соборной площади престоле в царской одежде, принимал от Патриарха благословение и поздравлял народ с новым годом. 1 января 1700 г. церковное торжество ограничилось молебном после литургии, чин же летоководства не совершался.

На площади воздвигается помост, на который поднимаются митрополит и великий князь, и возвещают оттуда об окончании года. Митрополит, по обычаю, святит воду и этой водой кропит князя и стоящий вокруг народ, осеняя крестом, молится об их долгой и счастливой жизни

Главное торжество совершалось в Москве на Соборной площади Кремля. В 1582 году Джованни Компани сообщил: «На площади воздвигается помост, на который поднимаются митрополит и великий князь, и возвещают оттуда об окончании года. Митрополит, по обычаю, святит воду и этой водой кропит князя и стоящий вокруг народ, осеняя крестом, молится об их долгой и счастливой жизни, а народ в это время громко кричит: «Великому государю нашему и детям его многая лета!». При этом все радостно поздравляют

Тропарь Индикту (церковное новолетие), глас 4:

Благодарни суще недостойнии раби, Твой, Господи, о Твоих великих благодеяниях на нас бывших, славящи Тя хвалим благословим, благодарим, поем и величаем Твое благоутробие, и рабски любовию вопием Ти: Благодетелю Спасе наш, слава Тебе.

www.pravmir.ru

Евангельское чтение

Притча о брачном пире (Мф. 22:1-14)

Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели прийти.

Опять послал других рабов, сказав: скажите званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир.

Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою; прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, царь разгневался, и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их.

Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; итак пойдите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир.

И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими.

Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал.

Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных.

Проповедь на Евангельское чтение

Протоиерей Алексей Уминский

Существовал такой обычай: когда богатый человек звал к себе на брак, он сам одевал приглашенных в праздничные одежды. Но очень часто происходит так, что мы приходим в храм Божий, все еще дорожа своим местом в мире. Мы приходим, потому что нас сюда позвал Господь, нам идти больше некуда. Приходим и видим, что здесь совсем другая жизнь. Что здесь совсем другие законы. Что здесь все происходит по-другому, совсем не так, как в этом мире. Здесь нас ждут. Здесь нас слушают. Здесь нас пытаются понять. Здесь за нас молятся.

И все это – ни за что, не за какие-то наши заслуги, не за какие-то наши труды особенные, а потому что эта дверь открыта для каждого человека, потому что Господь всех принимает, для Него нет чужих в этом мире. И

поэтому ничего удивительного, что здесь, в храме, в Церкви, собираются и чистые и грязные, и умные и глупые, и образованные и некультурные. Потому что благодать, которую Господь нам подает, так может каждого из нас украсить, что за этой прекрасной чудной одеждой совсем не видно наших пороков, нашего искажения, нашего греховного состояния, наших дурных привычек, которые мы сами видим в себе, когда предстоим напрямую перед Богом. Господь сокрывает их своим благодатным покровом даже друг от друга, чтобы таким образом нас сохранить, чтобы мы могли в Его одежде походить и исправиться, так походить, чтобы эта одежда стала нашей.

А бывает так, что нам дается – на, возьми, сделай это по-настоящему своим, сбрось ►

грязь с себя, очистишься, не нужна тебе такая старая ветхая одежда – но нет, вот это я возьму себе, а вот это, свое, – я оставлю. Это будет всегда мое. Я все равно буду ее носить. Я и светлую одежду возьму, и грязную вонючую себе оставлю. И так буду жить и питаться из двух источников. Все же дается так просто, ни за что не отвечаешь, можно же пользоваться.

И оказывается, что приходя в храм человек может оставаться совершенно чужим для

волнуемся, когда что-то происходит в стране, забываем о Боге, суетимся, тратим деньги, покупаем продукты, испытываем волонеров, забываемся в своих земных праздниках. А Христовы одежды мы прячем, потому что если мы в них выйдем в этот мир, то над нами смеяться будут, нас заплуют, потому что христиане всегда чужие в этом мире. И нам кажется, что легче быть своими для мира, и чужими для Бога, что так мы сохраним себя. А так нельзя.

Эта притча для нас, чтобы нам не услышать эти страшные слова, которые сказал Господь людям, возлюбившим этот мир более, чем мир Царства Небесного, – много званых, но мало избранных.

Бога, вне брачной одежды. Господь ему подал ее – на, возьми! Нет, моя одежда ближе к телу. А Твое, Господи, мне нужно постольку, поскольку я это хочу себе забрать, не отдавая ничего обратно.

Таково наше состояние, состояние современного христианства. Мы все такие до мозга костей. Господь нам все дает, Себя дает в причастии Святых Христовых Таин, только бы мы изменились, только бы мы эту одежду светлую брачную сделали своей и всегда бы в ней ходили, как первые христиане после крещения ходили по улицам в белой одежде, в которую их одевали во время крещения. А за это они могли сразу пойти на муку, потому что в светлой крещальной ризе выходили в языческий мир, в мир, кипящий злобой по отношению к христианству.

А мы выходим из храма в мир, и боимся вне храма быть христианами, выйти в мир такими, какими нас хочет видеть Господь. Мы постоянно надеваем на себя одежды этого мира. Мы постоянно пытаемся скрыть себя, скрыть брачные одежды, врученные Господом, а грязную одежду этого мира на себя надеть. Мы свои здесь, посмотрите: так же

Можно быть только до конца чьим-то рабом: либо рабом Божиим, либо рабом мира сего. И Господь в этой притче дает нам еще раз понять, кто же мы такие. Как же мы можем так жить, когда Господь нам все дает, когда двери храма для нас открыты, когда слово Божие для нас звучит, когда в этом слове Божиим возвещается правда Божия, которую никак нельзя победить, которую ничем нельзя заглушить, потому что правда Божия – это победа над этим миром.

И нам Господь дает возможность этот мир победить. Нам Господь дает силы в этом мире жить. Он птиц небесных питает и одевает, чтобы мы знали, как нас любит Господь. Он брачную одежду каждому из нас дает и приглашает на Свою вечерю. Он каждому дает благодатное место за этой вечерей, чтобы мы вместе с Ним пребывали. Эта притча для нас, чтобы нам не услышать эти страшные слова, которые сказал Господь людям, возлюбившим этот мир более, чем мир Царства Небесного, – много званых, но мало избранных.

*Публикуется в сокращении
www.trinity-church.ru*

Не могу! Или... не хочу?

Игумен Нектарий (Морозов)

Человек слаб. Это данность, осознание которой иногда дается естественно и легко, иногда приходит с болью и трудом, но игнорировать ее совершенно не может никто, в ком есть хоть крупица здравого смысла и способности, желания быть честным с самим собою и Богом.

Быстрее и яснее всего убеждает нас в нашей слабости и испорченности стремление... жить по Евангелию. Все усилия наши, все попытки стать такими, какими хочет нас видеть Господь, помогают совершенно увериться в безусловной, опытно понятой правоте слов Спасителя: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5).

При этом едва ли не в большей даже степени уверяемся мы и в том, что особенно, критически слаб человек именно современный, что слабость вообще является главной его характеристикой, отличительной чертой. И оттого так часто произносим мы слова, которые впору было бы выбрать в качестве своеобразного «девиза» своей христианской жизни. «Не могу» – на разные лады, в разных ситуациях говорим мы, оправдывая ими все – и действительную неспособность к чему-то, и немощность произволения, и лень, и даже злую, греховную волю свою.

И кажется нам, что одно закономерно вытекает из другого: если слабы мы, если без Бога не можем ничего, то что и остается нам, кроме этого смиренного по видимости, но ничего общего со смирением не имеющего «исповедания»?

Но кажется, что и забываем мы о чем-то по-настоящему важном, основном здесь. О чем же? О том, что ничего мы не можем именно **без Бога**. А кто нас заставляет пытаться что-то творить без Него? Кто стирает

в нашей памяти являющееся продолжением, развитием этих евангельских слов утверждение апостола Павла: «**Все могу** в укрепляющем меня Иисусе Христе»?

Мы ведь не оставлены Господом, хоть и сами постоянно оставляем Его. Он не лишает нас Своей помощи, не отнимает Своей благодати. Надо лишь помнить о Нем и в Нем пребывать, и тогда – в Нем же – принесем мы богатый и угодный Ему плод.

Но вместо этого словно щит, которым мы закрываемся и от собственной совести, и от Того, Чьим голосом является она, несем мы по жизни хартию, на которой начертано все то же: «Не могу!»

Не могу поститься, не могу как следует молиться, не могу смиряться, не могу прощать, не могу отречься от себя, подставлять левую щеку после удара по правой. Не могу, более обще говоря, заповеди евангельские исполнять, по-христиански жить. Слабый потому что... Спасаться я поэтому буду терпением скорбей. Но я и терпеть тоже не могу... Что ж, значит, спасаться я буду единственно милостью и любовью Божией!

Господь безмерно милостив, и любовь Его беспредельна. И потому упование на милосердие и любовь Его естественны для верующего сердца: без того, и правда, на что надеяться нам, грешным.

Но Истина – такое же имя Бога, как и Любовь (см.: Ин. 14:6). И если погрешаем мы против истины, если нечестны, неправдивы мы, если обманываем и сами намеренно обманываемся, то это отлучает нас от Него, делает Ему чужими. Ведь Он-то знает и силы наши, и способности, и обстоятельства. И того, что реально возможно, от нас ждет, а невозможное делает за нас. И даже, чтобы не ►

сомневались в этом, специально напоминает: «Невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18:27).

Вот являет человек собой некое собрание, сгусток немощей, вот жалуется на них и на себя, на свою ни к чему неспособность. А вот он... хочет есть. И он находит время, силы, средства для того, чтобы доставить себе пропитание. И пусть попробует кто-то стать между ним и его завтраком, обедом, полдником и ужином!

Если хочет, то практически всегда и сможет – по крайней мере, уж то, что в его силах, однозначно. Какую энергию, какие способности проявляет большинство людей, когда речь идет об исполнении их желаний – от

и людей и любили, наступая на горло любви к самим себе. И именно поэтому **могли**, хотя никогда и не думали о себе так, не почитали себя не то, что «уже достигшими» (ср.: Флп. 3:13), но и даже на что-то способными.

Отличает нас от них не время, не обстоятельства, не условия быта, нас отличает в первую очередь это: наличие у них желания стать лучше ради того, чтобы быть с Богом, желания столь сильного, что ему оказывалась подчинена вся их жизнь. У нас – не так...

Слабость наша – ни в чем другом, как в немоги произволения. И, наверное, главное, с чего нужно начать преодоление ее – это с ее исповедания. С того, чтобы набраться смелости и сказать в конце концов Богу и само-

Исцеление, изменение всегда приходит только путем правды, путем искренности, когда мы открываем по собственной воле и без того ведомые Господу тайны нашего сердца, когда перестаем смешно и жалко «прятаться от Него в кустах» (ср.: Быт. 3:10).

самых немудреных до предельно амбициозных! Какую деятельность развивают они, какую изобретательность и сообразительность выказывают, какое мужество и терпение демонстрируют! Куда девается тогда все это: «Я слаб... Я не могу...»? Все это вытесняется одним: «Я хочу!...»

Я не к тому об этом говорю, чтобы осудить кого-то за способность забывать о своей слабости ради достижения поставленной цели. Я о другом. О том, что чаще всего причина нашего неможения в отношении тех или иных сторон жизни христианской заключается в недостаточности желания делать, что должно христианину. Это горько, даже страшно признавать, но это правда.

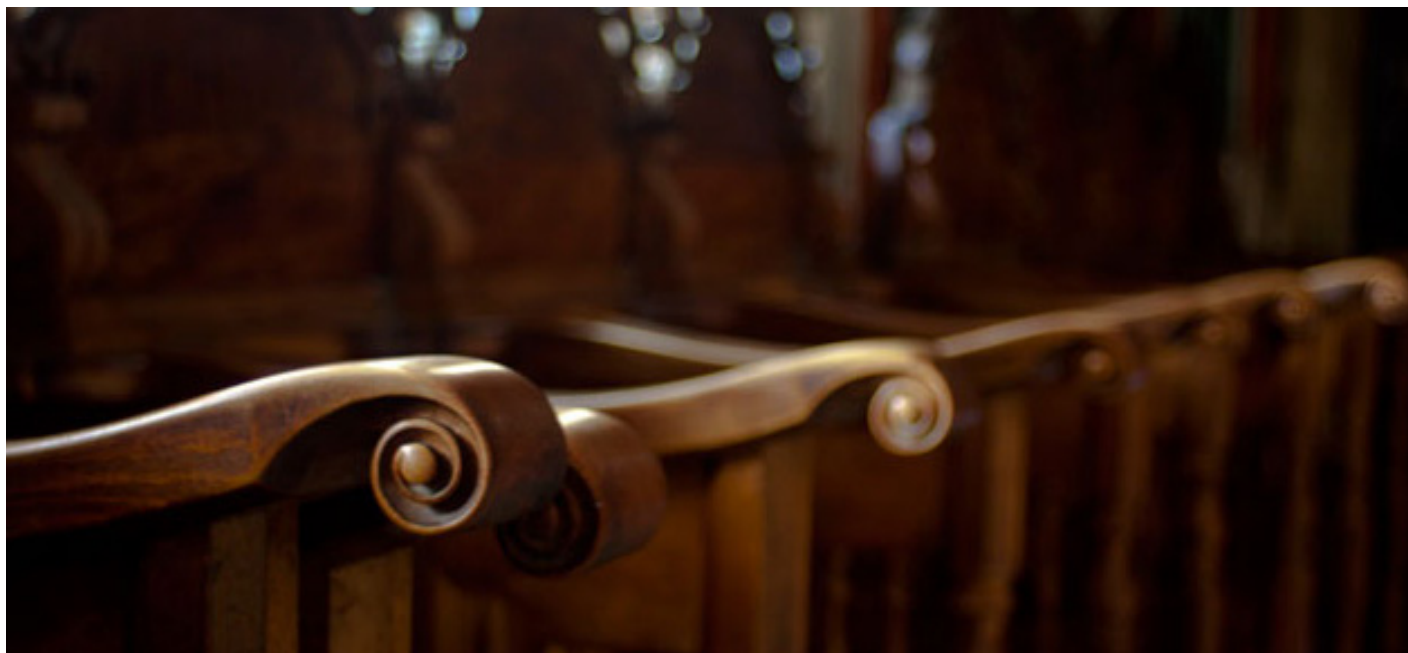
Святые **хотели**: хотели подвизаться и подвизались, преодолевая немощь естества, хотели смиряться и смирялись, ломая об колена собственную гордость, хотели любить Бога

му себе: «Я не делаю, потому что не хочу. Не хочу... но хочу захотеть!»

Исцеление, изменение всегда приходит только путем правды, путем искренности, когда мы открываем по собственной воле и без того ведомые Господу тайны нашего сердца, когда перестаем смешно и жалко «прятаться от Него в кустах» (ср.: Быт. 3:10). «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» (Мк. 9:24). Не хочу, помоги, Господи, захотеть!

Поможет. Обязательно поможет. Потому что никогда не оставляет без помощи того, кто смиренно и бесстрашно просит о ней, исповедуя свою слабость, не пытаясь чем-то ее оправдать, выставить себя не виновником, а жертвой.

Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru

Стасидии Ватопедского монастыря на Святой Горе Афон

Вопросы священнику

Отвечает священник Игорь Фомин

Почему в Библии говорится, что «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа». Почему мужчина «любит», а жена «да боится»?

«Боится» мужа здесь, скорее всего, обращение к мужу, а не к супруге. Боится жена не насилия со стороны мужчины – она боится обидеть его, быть его недостойной. Поведение мужа должно быть настолько любящим и благочестивым, что жена будет бояться потерять его, оттолкнуть от себя.

Женщины, как правило, очень эмоциональны, и слово, брошенное в эмоциональном порыве, может сильно ранить человека, превратить размолвку в пропасть между людьми, внести раздор в семью. Именно на это, как мне кажется, обращает внимание апостол.

Но, повторюсь, мы видим здесь в первую очередь обращение к мужчине. Чтобы муж имел такое поведение – доброе, порядочное,

любящее, внимательное – к своей жене, чтобы она боялась его потерять.

Что касается любви мужа к жене. Все мы знаем, что влюбленность – то, что любовью называют подростки – далеко не всегда перерастает в любовь. Часто влюбленность превращается в итоге в холодное отношение к человеку. Апостол Павел предупреждает об опасности такой метаморфозы. Чтобы мужчина понимал, что такое любить свою жену, апостол говорит – «как самих себя». Как мы любим себя? Кормим, одеваем, греем и, самое главное, оправдываем. Когда мужчина оправдывает свою жену, пытается в любой ситуации понять ее и помочь ей, то и любовь в семье не затухает, а горит ровно.

Как Церковь относится к экологическому движению?

Церковь всецело поддерживает экологическое движение. Существует ряд церковных постановлений, которые прямо говорят о ►

поддержке экологических программ. Очень важно, чтобы человек поддерживал природу в гармонии, которую придал ей Господь в своем акте творения мира. Мы обязаны сохранять и возвращать тот сад, который Бог нам даровал и о котором призвал нас заботиться.

Церковь всячески призывает свою паству бережно хранить, а не бездумно использовать и уродовать окружающий мир.

Мои знакомые часто говорят, что православие им не нравится тем, что в храмах надо стоять. Я всегда теряюсь, что им ответить. Как было бы правильно сказать?

Я считаю, что слова ваших знакомых – это, скорее, оправдание, а не истинная причина, почему они не ходят в храм.

На самом деле молиться удобнее, когда ты стоишь – находишься в сосредоточении всем своим естеством, и физическим, и душевным, и духовным. Когда ты садишься,

расслабляешься, то молиться, как мне кажется, труднее.

Хотя православное богослужение подразумевает моменты, когда надо сидеть. Некоторые богослужебные тексты так и называются: «седален» и «кафизма», что переводится как «сизжу». Есть и, наоборот, «акафист» – «не сизжу».

Полагаю, у нас, в России настанет время, когда, как в Греции, например, в церквях появятся стасидии – скамьи для сидения; и, вообще, сформируется культура пребывания в храме – люди будут знать, когда можно сидеть, когда нужно стоять и так далее.

Что ответить вашим знакомым? Что в православии не главное – сидишь ты или стоишь. Главное – чтобы сердце твое парило. И храм – место, где легко воспарить сердцем.

www.foma.ru

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*
Художник: *Наталья Сажина*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru